

Научная статья

УДК 81.373.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-3-42-140

EDN: XUXEHS

Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира

Елена Федоровна Ковлакас

Кандидат филологических наук, доцент кафедры таможенного дела и международных отношений, Московский гуманитарно-экономический университет (Новороссийский филиал). 353900, г. Новороссийск, ул. Коммунистическая, д. 36

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Аннотация. В статье поднимается вопрос о формировании топонимической картины мира на основе семантических оппозиций. Культурные ценности и традиции того или иного народа, значимые для этого народа и нашедшие свое воплощение в языковых единицах – топонимах. Культура этноса, ментальность, обряды и обычаи народов, заключенные в топонимической картине мира как ментальные составляющие, формируют топонимическую систему в целом. Носитель определенного языка использует в речи слова, в которых закреплены смыслы, не осознавая, принимает и разделяет их. При сопоставлении топонимов мы можем учитывать только существенные для данной топонимической системы признаки. Выбор метода оппозиций обусловлен тем, что оппозиция включает в себя при сходстве основных признаков семантически релевантное различие по одному признаку. Изучение семантических оппозиций помогает проникнуть в сущность топонимического материала, представить некоторые особенности социокультурного развития общества. Семантические оппозиции помогают вычленив семантические поля топонимов, ряд скрытых смыслов и основу мировидения.

Ментальное бытие топонимической картины мира является одним из компонентов мировидения этноса, совокупностью индивидуальных и общенациональных знаний о мире. Топонимы отражают менталитет народа, запечатлевая его духовные ценности и материальную культуру в языковых обозначениях. Исследование показывает, что в сознании людей формируется особая топонимическая реальность, которая кодирует объективный мир через пространственные наименования. В культурной памяти социума хранятся определенные стереотипы, которые воплощаются в информационно насыщенных топонимах-знаках. Закрепляя познавательный и историко-культурный опыт в символах ландшафта, народ создает уникальную картину мира через систему географических наименований.

Ключевые слова: метод семантической оппозиции; топонимическая картина мира; пространственные отношения; концепт; топоним; метафоризация; этноориентированность

Для цитирования: Ковлакас Е. Ф. Семантика «свой / чужой» в топонимической картине мира // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 3 (42). С. 140–149. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-140>. <https://elibrary.ru/XUXEHS>

Original article

Semantics of «own / foreign» in the toponymic image of the world

Elena F. Kovlakas

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of customs and international relations, Moscow university of humanities and economics (Novorossiysk branch). 353900, Novorossiysk, Kommunisticheskaya str., 36

amica.2013@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0655-3952>

Abstract. The article raises the question of forming a toponymic picture of the world based on semantic oppositions. Cultural values and traditions of a certain nation, significant for this nation are embodied in linguistic units – toponyms. The culture of an ethnos, peoples' mentality, rites and customs, as mental components of the toponymic worldview, form the toponymic system as a whole. A native speaker of a particular language uses words in speech with fixed meanings, not consciously accepting and sharing them. When comparing toponyms, only the features essential for a given toponymic system can be taken into account. The choice of the opposition method is conditioned by the fact that

the opposition includes semantically relevant difference in one feature when the main features are similar. The study of semantic oppositions helps to understand the essence of toponymic material and to present some specific features of sociocultural development of society. Semantic oppositions help to identify semantic fields of toponyms, a number of hidden meanings and the basis of worldview.

The mental life of the toponymic world picture is a component of the ethnos' worldview, a totality of individual and national knowledge about the world. Toponyms reflect the mentality of the people, capturing their spiritual values and material culture in linguistic designations. The study shows that people's minds form a special toponymic reality that encodes the objective world through spatial names. The society's cultural memory stores certain stereotypes, which are materialized in toponyms – signs rich in information. By fixing cognitive and historical-cultural experience in landscape symbols, people create a unique picture of the world through the system of geographical names.

Key words: semantic opposition method; toponymic picture of the world; spatial relations; concept; toponym; metaphorization; ethnic orientation

For citation: Kovlakas E. F. Semantics of «own / foreign» in the toponymic image of the world. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(3):140–149. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-3-42-140>. <https://elibrary.ru/XUXENS>

Введение

Этноориентированных и сопоставительных исследований в лингвокультурологии достаточно много, поэтому упомянем лишь некоторые из них, касающиеся специфики восприятия этносами пространства и формирования «картины мира». Представления о действительности, сформированные в коллективном сознании определенной этнической группы и отраженные через призму повседневного мышления, выражаются в языковой картине мира (ЯКМ). Это своеобразное зеркало, в котором специфическим образом преломляется объективная реальность для конкретного языкового сообщества.

Так, Е. С. Яковлева исследует русскую языковую картину мира, заключенную в моделях Пространства, Времени и Восприятия [Яковлева, 1994]; место пространства в русской языковой картине мира анализируется Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [Булыгина, Шмелев, 1998], а также Анной А. Зализняк [Зализняк, 2000]; китайский исследователь Тань Аошуан изучает специфику представления пространства в китайской языковой картине мира [Тань Аошуан, 2004]; А. Б. Чернышев исследует специфику способов вербализации движения и пространства человека в итальянской языковой картине мира [Чернышев, 2017]; формирование пространственной языковой картины мира англичан – объект исследования Л. Я. Козловой [Козлова, 2016]; испанская пространственная картина мира и ее языковые параметры (лексико-грамматический и синтаксический способы объективации пространственной картины мира в испанском языке) оказались в центре внимания В. В. Корневой [Корнева, 2008]. Пространственные аспекты немецкой языковой картины мира в сопоставлении с русской рассматриваются М. А. Железняк [Железняк, 2005].

Нельзя также пройти мимо и не упомянуть интереснейший анализ восприятия пространства и его рефлексии в языковых картинах мира русских, болгар, киргизов, грузин и армян, предпринятый Г. Д. Гачевым в его лингвокультурологическом исследовании «Национальные образы мира» [Гачев, 1988].

Достаточно подробно исследована картина мира в когнитологии: она представлена этой наукой как *когнитивная картина мира*, представляющая собой «...ментальный образ мира, познанный этносом, формировавшийся в течение всего его существования, зафиксировавшийся в этносознании как результат чувственной рефлексии мира и его апробации мышлением» [цит. по Янушкевич, 2009, с. 10]. В основе когнитивной картины мира лежит информация об окружающей человека действительности, репрезентированная как конгломераты когний – ментальных образов, структурированных и систематизированных в «кванты переживаемого знания» [Карасик, 2012], то есть концепты, которые, в свою очередь, упорядочены в концептосферы. Конфигурация последних детерминирована этноспецификой национальной культуры, см. высказывание Н. М. Лебедевой: «Наша собственная культура задает нам когнитивную матрицу для понимания мира, так называемую „картину мира“» [Лебедева, 1999, с. 21].

Оязыковление концептов, то есть в терминологии И. В. Приваловой, их ‘означивание’ – вербализация при помощи языковых знаков-номинаций [Привалова, 2005] как раз и есть языковая картина мира.

Для специалистов в сфере семиотики картина мира представляет собой знаковый конгломерат, то есть является *семиотической картиной мира*; в этой связи интересно мнение А. С. Демьшевой: «Картина мира реализуется в различных семиоти-

ческих воплощениях, скоординированных между собой в единую универсальную знаково-символическую систему, <...> систему специальных языковых знаков, которые несут информацию о картине мира» [Демышева, 2016, с. 157].

Для нашего исследования актуальной является наивная картина мира, закреплённая в топонимах. Топонимическая картина мира полиэтнического региона [Ковлакас, 2008], репрезентируемая топонимами, отражает материальный и духовный опыт народа, говорящего на одном языке.

Методы исследования

Для всестороннего исследования такого языкового материала, как топонимы, применение только одного лингвистического метода было бы малоэффективным. Сам объект и цель исследования предполагают специфику выбора научно-исследовательских методов.

Б. А. Серебренников [Серебренников, 1959], рассматривая методы топонимических исследований, предлагает 4 метода: сбор и классификация топонимического материала, этимологизация, установление фонетических и грамматических адаптаций, использование данных летописей архивов фольклорных материалов. В. А. Жучкович [Жучкович, 1965] выделяет 5 методов, необходимых при топонимических исследованиях: картографический, географический, статистический, сравнительно-исторический, метод лингвистического анализа. Н. В. Подольская [Подольская, 1988] уже предлагает различать 11 методов, добавляя ареальный дескриптивный, форматный, метод реконструкции. Авторы научной работы «Теория и методика ономастических исследований» [Суперанская и др., 1986] указывают по 19 методов ономастических исследований.

Нами применяется метод оппозиции, наилучшим образом позволяющий установить внутренние связи топонимов и народа-номинатора.

Используя метод реконструкции, можно определить понятийные, ценностные и образные компоненты в структуре лексико-семантических групп и всей топонимической системы.

Результаты

Осмысление «Пространства» и формирование топонимической картины мира происходит в результате осмысления человеком пространственных отношений, которые представляют собой сложную ментальную структуру, позволяющую репрезентировать мировоззрение, традиции и обычаи общества, к которому принадлежит вос-

принимающий субъект. Следует отметить, что названия получали те объекты действительности Краснодарского края и Республики Адыгея, на которые направлялась деятельность человека и которые имели утилитарное значение для него. Хотя само пространство меняется от эпохи к эпохе (расширяется его география, появляются новые социальные центры), но содержание пространственных представлений с трудом поддается трансформации. Образ Пространства в топонимической картине мира предстает в виде разнонасыщенных сфер, в которых выделяются свои ориентиры, центры и периферия.

Выделенные нами в топонимической картине мира круги отношений человека в социальном Пространстве могут быть обнаружены в любой культуре и являются характерными для мифологической модели мира. Согласно этой модели, человек является центром Вселенной, а самый ближайший круг – это сам Человек. Топонимическая картина мира полиэтнического региона не исключение, и космическим центром в ней является Человек.

Границы топонимической картины мира расходятся от человека все большими и большими кругами. Человек – Семья (несколько людей) – Род (несколько семей) – Племя (несколько родов) – Народ (несколько племен).

Например, «топонимы, в основе которых родовые имена, фамилии, имена князей, основателей аулов: **аул Адамий** (Адам), **аул Ассоколай**, **Бабук-аул**, **ст-ца Баговская** (родовая фамилия), **ст-ца Баракаевская** (родовая фамилия), **аул Беноково**, **аул Бечмизай** и т. д.» [Ковлакас, 2008].

Или например, «топонимы, в основе которых имена легендарных адыгов: **ст-ца Ахметовская** (легендарный абрек Ахмет), **ст-ца Нижнебаканская**, **ст-ца Верхнебаканская** (в честь легендарного предводителя Беслана Бакана)» [Ковлакас, 2008].

Граница, репрезентируемая топонимами и описываемая вокруг человека, – это граница «своей» земли, Родины, не-чужбины. Закреплённая в сознании граница «своей», малой, родины реконструируется этнонимами Массовое переселение, миграции извне родины воспринималось, скорее всего, как трагедия. Эмотивный слой топонимов, который закрепляет названия малой родины и освоение новых земель, стал интерпретироваться как «окультуривание» «чужого» пространства, попытка сделать его «своим». Народ-номинатор (в нашем случае переселенцы), изначально отрицательно оценивая «чужое» пространство, переносит на него ценности «своего» пространства,

называя его или именем своей родины, или названием своего полка. «Чужое» Пространство должно стать «своим». Поэтому, начиная с названия, новая родина постепенно становится «не-чужбиной». Возникает, таким образом, «вторично-родное» [Сандомирская, 1999] Пространство.

В топонимической картине мира полиэтнического региона «свое» пространство равнозначно концепту «Родина». Внутри «своего» пространства можно обнаружить противопоставление свои / чужие; роды, племена, «свой» народ / чужой». Но «Родина» не позволяет разделить, она всегда выступает как объединяющий член оппозиции. «Изначально-родное» пространство сливается со «вторично-родным» пространством: в чужой стороне что-то должно напоминать родину. Этой цели служат топонимы, закрепляя за собой мемориальную функцию.

В структуре концепта «Свое» Пространство Родина является и денотатом (объектом действительности) и ментальным образом, концептуализируя разные сущности: Человек, Не-чужбина, Род, Племя, Народ. Происходит переосмысление, относительно родственной близости, на первый план выходит географическое Пространство, охватывающее огромную территорию, населенную большим количеством людей, не объединенных ни родственными связями, ни национальной и религиозной принадлежностью. Но это огромное Пространство и есть Родина для всех людей.

Например, «гидронимы: **Баканка** (Бакан) (абхаз.) – предводитель Беслан Бакан; **Скобидо** (Альдеби, Слобидо, Схапето, Сшххаблдий) – этноним „схапете“ – название этноса, вошедшего в состав шапсугов; **Псекупс** (Псакупс, Пшикупс, Пскупс) (адыг.) – „голубая вода“, **Гунайка** – „долина гуннов“; **Убинка** – (Убын, Убин) – этноним, название племени; **Курджипис** (Кудьпис Курджипис) (адыг.) – „грузинская река“» [Ковлакас, 2008].

С одной стороны, «свое» Пространство – это часть личной идентичности человека, а с другой стороны – это возможность и необходимость социализации и аккультурации. Концепты «Река», «Гора», «Земля» и «Вода» являются ключевыми компонентами топонимической системы многонационального региона. Интересно, что хотя такое пространство может восприниматься как «чужое», оно не несет негативной коннотации. Напротив, эти концепты отражают жизненно важные объекты реальности. Топонимическая картина мира, включающая элементы «чужого» пространства, фактически является составной частью мифологического мировосприятия, что под-

тверждается структурой топонимической системы. Восприятие «чужого» Пространства человеком традиционной культуры всегда мистично, поэтому в названиях рек и гор сохраняются мифологические представления, культурные стереотипы, а переселенцы, давая названия населенным пунктам, оставляют названия рек и гор на языке народа-номинатора.

Например, «гидронимы, в основе которых языческие представления: **Кудахо** (Кубэжьо, Кудакьо) (адыг.) – „невинный как Бог“; **Неберджай** (Ныбэджай) (адыг.) – „кровожадный орел“; **Афипс** (Афыпс, Ахупс) (абазин.) – „река Бога“; **Яшамба** (Ашампе, Ашамбе, Яшимба) (адыг.) – „место Аша“; **Кодеш** (Кодес, Кьодэс) – божество Кодес; **Тхаб** (Тхыб, Тхиб) (адыг.) – „многобожие“; **Чекон** (Шекон, Шеккон) (адыг.) „шы“+„кьо“ – „конская могила“» [Ковлакас, 2008].

Или например, «оронимы, отражающие аспекты христианской и мусульманской религий: **Ад-жара** (Адждарра, Адждаре) (абхаз.) – „крестовая гора“; **Индюк** (Хьиндыкьушхь) (адыг.) – „индусская гора“» [Ковлакас, 2008].

Топонимическая оппозиция «свой-чужой» отражает пространственные представления человека в трех направлениях:

во-первых, человек воспринимает окружающий мир как противопоставленное ему, «чуждое» пространство;

во-вторых, человек осмысливает связь с окружающим миром («своим» пространством);

в-третьих, человек мыслит себя как представителя некоего мультикультурного сообщества и начинает осваивать некогда «чуждое» пространство.

Человек всегда находится в центре топонимического пространства. Оппозиция «свое / чужое» Пространство является важнейшим концептом не только любой национальной картины мира, но и исследуемой нами топонимической картины мира полиэтнического региона. Определяя отношение народа-номинатора к окружающему миру, свое / чужое пространство характеризуется специфической структурой, актуализируя этнические корреляты в процессе коммуникации.

Выявление концепта «Свое-чужое» Пространство позволяет обозначить культурные ценности, которые лежат в основе мировоззрения народа-номинатора, и избежать межкультурного непонимания.

Все части топонимических оппозиций образуют единства, на основе которых конструируется топонимическая картина мира. Являясь знаковы-

ми единицами, топонимы реализуются в топонимической системе, отражают топонимическую картину мира и выполняют помимо основных (номинативной, кумулятивной, дескриптивной, адресной, идентификационной, социальной) дополнительные, выделенные нами функции: воспитательную, познавательную, функцию ландшафтных символов, мировоззренческую, межкультурную / этническую.

Дополнительные функции топонимов были выделены нами на основе следующих выводов:

- топонимы могут описать не только топонимическую картину мира, но и воссоздать картину мира, характерную для народов-номинаторов;

- топонимы могут описать не только топонимическую картину мира народа-номинатора, но и мифологическую картину мира воспринимающих субъектов;

- топонимы могут служить посредниками при переходе с одного кода картины мира на другой. Межкультурная коммуникация позволяет включить особый механизм передачи культурных традиций, в результате чего осуществляется наполнение топонимов новым содержанием;

- топонимы заключают духовно-нравственный идеал и формируют этическую парадигму;

- топонимы включают языковую образность и способны репрезентировать чувства, идеи, настроения, при этом способность отражать окружающий мир снижается.

Человек наделяет окружающий мир собственными пространственными представлениями и распространяет их на все предметы. Выражая особенности восприятия человеком окружающего мира, Пространство само становится контекстом, в котором формируется топонимическая картина мира. На формирование топонимической картины мира оказали влияние представления о Пространстве, лежащие в основе первичной номинации и представления о Пространстве народов, переселившихся на исследуемую территорию гораздо позднее. Изначально на формирование представлений о Пространстве влияли непосредственные ощущения, непосредственная реакция и рефлексия на окружающий мир. Эмоционально-эстетическое восприятие Пространства передает связь человека с окружающим миром и способы его освоения. Этот способ восприятия является одной из первых ступеней познания, который нашел закрепление в названиях водного и горного Пространства.

Например, «гидронимы, отражающие эмоциональное восприятие: **Аюк (Аюко)** (адыг.) – „плохая, недобрая долина”; **Сосына** – „гнилой запах”;

Схошток (адыг.) – „собачий куток”» [Ковлакас, 2008].

Или особенности водного потока (полноводность), тоже эмоциональный уровень: **«Уллукам** (карачаевское) – „многоводная река”; **Псебепс (Псебебс, Псбепс)** (адыг.) – „многогоречье”; **Гечепсин (Гошепсин)** (адыг.) – „река княжна”; **Псекупс (Псакупс, Пшикупс, Пскупс)** (адыг.) – „глубоководная река”» [Ковлакас, 2008].

«Гидронимы, закрепившие особенности водного потока (мелководье): **Псижий (Псыжый)** (адыг.) – „речушка”; **Чохрак (Чехрак, Чеграк, Шехурадз)** (адыг.) – „ручеек”, „источник”; **Челбас** (тюрк.) – „мелководная река”; **Нечепсухо (Нечепсух, Ниджипсизу, Ндепсхко)** (адыг.) – „обнаженное русло реки”» [Ковлакас, 2008].

Следующий уровень познания – логический – находит отражение в номинации населенных пунктов, образованных от оронимов и гидронимов. Увиденное и прочувствованное Пространство (горы и реки) трансформируется на новом понятийном уровне. Географические объекты, особенно водные источники и рельефные формации, стали основой для названий множества поселений. Человек создает свое представление о территориальном устройстве, ориентируясь на природные элементы, которые играют ключевую роль в его существовании.

Например,

«р. Кубань: ст-ца Кубанская, пос. Кубанец, хут. Кубанская степ, три хут. Кубанский, пос. Кубань строй, пос. Кубанский, хут. Кубань, пос. Кубань, гор. Новокубанск, г. Славянск-на-Кубани

р. Лаба: г. Лабинск, г. Усть-Лабинск, ст-ца Новолабинская, пос. Новолабинский, старицы Старый Лабёнок и Лабёнок

р. Бейсуг: р. Бейсужек, р. Бейсужек Левый, р. Бейсужек Правый, ст-ца Новобейсугская, с. Бейсугское, пос. Бейсуг, с. Большой Бейсуг, хут. Бейсуг, хут. Бейсужек, хут. 2-й Бейсужек» [Ковлакас, 2008].

Или, например, «оронимы, отражающие непосредственную связь с водой: **Агепса** (абхаз.) – „прибрежное ущелье”; **Ассара** (абхаз.) – „мелководье, мелкота, мелкоречье”» [Ковлакас, 2008].

Пространство, формирующее топонимическую картину мира, характеризуется следующими характеристиками:

- Пространство представляет собой Физическую, Ментальную и Культурную сущности;

- Пространство структурируется когнитивными моделями;

- все сущности Пространства взаимосвязаны;

– ментальное и культурное Пространства образуют идеализированные когнитивные модели.

В топонимической картине мира наблюдается интересный феномен: когнитивные и социокультурные аспекты вытесняют географические координаты. Иными словами, территориальные представления в сознании человека всё более формируются под влиянием культурных кодов и ментальных конструкций, отодвигая на второй план физические параметры местности. Онтологический статус отсутствует у культурного и ментального пространств вне рамок мыслительного процесса. Понятие пространства в физическом, ментальном и культурном измерениях уже само по себе концептуально. Символы формируют основу ментального пространства, тогда как семантическое поле значений соотносится с пространствами культурным и физическим.

Опираясь на теорию Идеальных Когнитивных моделей, предложенную Факонье, мы выявили в топонимической картине мира полиэтнического региона 4 когнитивные Пространственные модели: модель образных сем, метонимическую, метафорическую и символическую модели.

Модель образных сем включает в себе гипотезу о пространственном воплощении формы, то есть характеризуются физические величины Пространства: часть – целое, большой – маленький, верх – низ, новый – старый. В топонимической картине мира пространственная модель образных сем включает в себя топонимы, структура и значение которых понимается непосредственно на их собственной основе.

Например, «с. **Виноградное** – пос. **Виноградный**; с. **Кабардинка** – ст-ца **Кабардинская**; г. **Майкоп** – с. **Майкопское**; ст-ца **Старомышастовская** – ст-ца **Новомышастовская**; ст-ца **Старовеличковская** – ст-ца **Нововеличковская**; ст-ца **Новодеревянковская** – ст-ца **Стародеревянковская**» [Ковлакас, 2008].

Метонимическая когнитивная пространственная модель предполагает отношения «замещения», то есть в результате когнитивной деятельности формируется когнитивная структура, посредством которой объект Пространства может быть описан как метонимический Прототип. Самое большое количество топонимов описываемого региона относится к данной когнитивной модели.

Например, «гидронимы, указывающие на расположение в пространстве (по отношению к горам): **Учкулан** (карачаевское) – „три ущелья”; **Шуха** (**Шухо**, **Шегуо**, **Шхго**) (адыг.) (адыг.) „шыго” – „плоский, Юашхъ” – „курган” – „плоский курган”» [Ковлакас, 2008].

Например, «**оронимы, отражающие непосредственную связь с водой: Агепса** (абхаз.) – „прибрежное ущелье”; **Ассара** (абхаз.) – „мелководье, мелкота, мелкоречье”; **Ахцу** (тюрк.) „аксу” – „белая вода”; **Безепс** (турец.) „без” и „псе” – „пять рек”» (Ковлакас, 2008).

Метафорическая когнитивная пространственная модель тесно связана с метонимической когнитивной пространственной моделью. Перекатегоризация языковых единиц осуществляется посредством метафор, благодаря чему происходит взаимодействие нескольких когнитивных сфер в результате концептуализации одних мыслительных категорий через другие. В топонимической картине мира метафора выполняет функцию получения нового знания на основе уже имеющихся. Доконцептуальная структура картины мира воссоздается в топонимах через метафоризацию объектов действительности.

Например, «гидронимы, заключающие аллерегию (несущая добро): **Псезуапсе** (**Псезюе**, **Псезюапсе**) (адыг.) – „светлая вода”, „псы” + „шу” – „добрая река”; **Афипс** (**Афыпс**, **Ахупс**) (абазин.) – „река Бога”, (адыг.) – „сладкая река”; **Супс** (**Суп**, **Супипс**, **Шупс**) (адыг.) – „добрая река”; **Дыш** (**Дишь**) (адыг.) – „золотая, добрая”» [Ковлакас, 2008].

«Гиронимы, содержащие метафору: **Мацеста** (шапсуг.) – „огненная вода”, (абхаз.-абаз.) – „огненное ущелье”; **Неберджай** (**Ныбэджай**) (адыг.) – „кровожадный орел”; **Бугай** (адыг.) – „племенной бык”; **Шепси** (**Сепсе**) (адыг.) – „молочная река”, „сто рек”» [Ковлакас, 2008].

Символическая когнитивная пространственная модель в топонимической картине мира предстает как модель совокупности знаний о Пространстве. Символы в ТКМ репрезентируют собственный денотат и отвлеченный, абстрактный референт. Концепт, смыслопорождающая интерпретация символа более сложен. Конкретика Пространства достигается в метафоро-метонимических топонимических образованиях на основе ассоциативно-смысловых связей.

Чтобы воссоздать топонимическую картину мира, необходимо погрузиться в культурный контекст, а не просто анализировать значения географических названий. В символической когнитивной пространственной модели ключевую роль играет именно толкование и применение топонимов в культуре создавших их народов. Хотя смысловой символ скрыт от непосредственного восприятия, он материализован в географических наименованиях. Для восстановления этой скрытой

символики наблюдатель должен обратиться к культурным кодам народов-номинаторов.

Например, «оронимы, связанные с языческими представлениями о божествах: **Афипс большой** (абхаз.) – „Афы” – „бог молнии и грома”; **Ац** (абазин.) – „место, где ударила молния”; **Ацетук** (Адзипуко) (абхаз.-адыг.) (Ачъэтыку) (адыг.) – „кут козлов”» [Ковлакас, 2008].

«Гидронимы, заключающие языческие представления: **Кудахо (Кубэжьо, Кудакьо)** (адыг.) – „невинный как Бог”; **Неберджай (Ныбэджай)** (адыг.) – „кровожадный орел”; **Афипс (Афыпс, Ахупс)** (абазин.) – „река Бога”» [Ковлакас, 2008].

В топонимической картине мира полиэтнического региона представлена еще одна, предложенная нами, когнитивная пространственная модель – перцептивная. Топонимические единицы изначально антропо- и этноцентричны. Принцип антропоцентричности реализуется в аксиоме: человек есть мера всех вещей. Этноцентризм проявляется в том, что топонимы закрепляют традиции и ценности, свойственные народу-номинатору. Этноцентризм отражает в топонимических единицах лингвокультурную специфику и лежит в основе символической когнитивной пространственной модели.

Человек – это не только отдельная личность, отражающая свое собственное восприятие мира, но и представитель определенного этноса, выражающий пространственные объекты через призму традиций и ценностей своего этноса. Поэтому топонимические единицы позволяют выявить языковые репрезентации стереотипов народа-номинатора, экспрессивно-оценочные коннотации, в основе которых мировоззренческие, культурно-исторические значения представителей данного этноса.

Например, «оронимы, образованные на основе личных имен и названий племен: **Абадзеш** (адыг.) – „абадзехи” – этнические группы адыгов; **Алек** (Алику, Алыкьо) (адыг.) – хребет „эллинов” (греческий); **Папай** – название племени „папаги”; **Нагойчук** (Негой шигу, Нэгъой шыгу) – „земля татар, нагойцев”» [Ковлакас, 2008].

Антропоцентризм в топонимической картине мира формирует перцептивную когнитивную пространственную модель. Выделение ПКПМ обусловил тот факт, что в топонимической картине мира образ Пространства нагружен семантическим содержанием и в перцептивном видении обретают новую форму. ПКПМ нельзя рассматривать обособленно, она органически взаимосвязана с другими когнитивными пространственными моделями.

Заключение

Исследование топонимов многонациональной области показывает, что восприятие пространства человеком фиксируется в географических названиях, придавая им стабильное значение. Когнитивная модель пространственного восприятия представляет собой систематизацию чувственных впечатлений при освоении окружающей среды, отражающую объективную реальность на уровне сенсорного познания. В процессе осмысления пространства субъективные ощущения трансформируются в образ и закрепляются в топонимах, которые могут нести как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску, что во многом определяется контекстом их употребления.

Антропоцентризм реализуется в перцептивной когнитивной пространственной модели в трех ситуациях. Первая ситуация связывается с осмыслением Пространства посредством ощущения: «Гидронимы, образованные по характеру течения спокойное / беспокойное: **Кубань (Къобхан, Кубан, Кубан, Губань, Гопанис)** (др.-греч.) – „конская река, буйная, сильная”, (др. – тюрк.) – „река, поток”, (карачаево – балкарское) – „быстрый, бурливый, беспокойный”» [Ковлакас, 2008].

Вторая ситуация порождения и закрепления смысла в топонимических единицах связана с внутренним опытом субъекта-номинации, его памятью. Известные смыслы пространственных объектов обретают в памяти субъектов номинации новые коннотации и дополнительные ценностные смыслы. Например, «**пос. Каноково** (адыгская родовая фамилия), **аул Кончукохабль** («поселение Кунчука сына»), **аул Лакшукай, пос. Лео, аул Мамруковых** (ст-ца Новосвободная), **с. Шах-Гиреевское** (по адыгской родовой фамилии), **аул Шенджий** (от имени Шенджий)» [Ковлакас, 2008].

Третья ситуация описывает паритетность между субъектом номинации и Пространственными объектами, выражает отношение номинирующего субъекта в процессе смыслопорождения (отриц. или положит., оценка примера). В чувственно-эмотивном отношении к Пространству, закреплённому в топонимических единицах, раскрывается ценностная оценка. Отношение субъекта номинации к Пространству может быть далеко от объективности. Чувства со временем изменяются, человек перестает фиксировать в сознании то, что раньше было актуальным, да и Пространство со временем претерпевает изменения. Топонимические единицы фиксируют чувственно-ориентационную способность личности к познанию реальности в момент номинации, доказывая

ценностное отношение субъекта номинации в объективном пространственно-временном континууме.

Например, «топонимизация на основе сравнений (гидронимы): **Хоцетай (Хотечей, Хотецай, Хопецай, Хомстой)** (адыг.) – „бешеная собака“, **Наужи (Неуж, Нэужь)** (адыг.) – „ворчливая старуха“; **Бугай** (адыг.) – „племенной бык“; **Тарапанки** – „тарапам“ – дикая лошадь, (тат.) – „каменное корыто“; **Адагум (Адагим, Атакума, Атагум)** (тюр.) – „песчаный остров“» [Ковлакас, 2008].

В топонимической картине мира ведущую роль играют метафорическая, пропорциональная и метонимическая пространственные модели, которые следует рассматривать как логические конструкции с высокой степенью обобщения и образности. Однако было бы ошибкой воспринимать их изолированно друг от друга. Эти модели не охватывают полностью содержание символической и перцептивной пространственных моделей, а лишь составляют их основу. Важно понимать, что базовые пространственные характеристики, отраженные в логических моделях, обогащаются этническими особенностями и субъективным восприятием. Таким образом, топонимическая картина мира представляет собой взаимосвязанную систему пространственных моделей разного типа, дополняющих друг друга.

Когнитивные модели пространства, включающие символический и перцептивный типы, можно классифицировать как субъектно обусловленные, когда они содержат сенсорные образы, обогащенные личным интеллектуальным опытом и накопленными знаниями о мире.

Топоним, являясь формой социальной памяти этноса, упорядочивает и вербализует фрагменты реального мира, закрепляя их в человеческом сознании. В центре топонимической картины мира, сформированной в сознании индивидуума, находится сам человек и Вселенная вокруг него. Национальная ментальность и культура непременно отражаются в каждом представителе определенной этнической группы. Когда мы обращаемся к концепту «Пространство» в топонимике, мы видим проявление духовно-языковой активности общества. Этот концепт представляет части языковой картины мира, отражая многовековой культурно-исторический опыт нации. Через язык закрепляются этические стереотипы, веками формируемые верованиями, традициями и обычаями народа, демонстрируя непрерывную связь между территорией, названием и ментальностью.

Топоним отражает определенный способ восприятия мира, конвенционально принятый носителями данного языка. Реальное постижение окружающей действительности и вербальные средства неразрывно переплетены во взаимовлиянии. Мыслительная деятельность и языковые возможности создают двойственное отражение мироздания: с одной стороны – система понятий, с другой – географическая номенклатура. Первоначально формируется именно концептуальное восприятие, без участия слов, которое предшествует лингвистическому отображению. Географические наименования впоследствии фиксируют эту понятийную систему мировосприятия, облекая ее в знаковую оболочку. Топонимическая картина мира выполняет по отношению к концептуальной картине мира две функции: означивание основных ее элементов и ее экспликация.

Топонимическая картина мира является совокупностью концептов сформированных через анализ ландшафтных образов, которые, в свою очередь, являются своеобразной географической призмой, позволяющей народам представлять мир. Топонимическая картина мира закрепляет индивидуальное и общенациональное в восприятии географического пространства. Топонимы, как и другие лексические единицы, являются культурным кодом, сохраняя и формируя наивную картину мира. Топонимическая концептуализация пространства синтезирует восприятие мира на уровне коллективного и индивидуального бессознательного.

Библиографический список

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Неожиданности в русской языковой картине мира. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Москва, 1998. URL: <https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998> (дата обращения 23.03.2025)
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Москва : Советский писатель, 1988. 233 с.
3. Дёмышева А. С. Концептуальные аспекты языковой картины мира в сознании младшего школьника // Педагогическое образование в России. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет. 2016. 3. С. 156–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-aspekty-yazykovoy-kartiny-mira-v-soznanii-mladshego-shkolnika> (дата обращения 23.03.2025)
4. Железняк М. А. Сравнение немецкой и русской языковых картин мира на материале анализа элементов архитектурно-домообустроительного кода ‘угол’, ‘стена’ и ‘дверь’. / Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Москва : МАКС Пресс, 2005. Вып. 31. С. 4–22.

5. Жучкевич В. А. Общая топонимика. Минск : Высшая школа, 1965. URL: <https://g.eruditor.one/file/1128651/> (дата обращения 23.03.2025)
6. Зализняк А. А. Преодоление пространства в русской языковой картине мира: глагол «добираться» // Логический анализ языка. Языки пространств. Москва, 2000. URL: https://vuzdoc.org/63319/literatura/anna_zaliznyak_preodolenie_prostranstva_russkoy_yazykovoy_kartine_mira (дата обращения 23.03.2025)
7. Карасик В. И. Семиотические типы концептов // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4 (033) 2012. С. 5–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17949407> (дата обращения 23.03.2025)
8. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 240 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/tan_aoshuan_kitajskaja_kartina_mira_jazyk_kultura_mentalnost_2004/16-1-0-1664 (дата обращения 23.03.2025)
9. Ковлакас Е. Ф. Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты : монография. Краснодар : Изд-во КубГУ, 2008. 250 с. URL: <https://g.eruditor.one/file/3515629/> (дата обращения 23.03.2025)
10. Козлова Л. Я. Формирование языковой картины мира англичан // Вопросы методики преподавания в вузе. 2016. № 5 (19-2). С. 53–64.
11. Корнева В. В. Наречия и параметры пространственной картины мира: монография. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2008. 300 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004228743> (дата обращения 23.03.2025)
12. Лебедева Н. Б. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 1999. 262 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-04-026-lebedeva-n-b-polisituativnost-glagolnoy-semantiki-na-materiale-rus-prefiksalnyh-glagolov-tomsk-izd-vo-tomsk-gos-un-ta-1999-260-s> (дата обращения 23.03.2025)
13. Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. Москва, 1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000618834> (дата обращения 23.03.2025)
14. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001458126> (дата обращения 23.03.2025)
15. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) : монография. Москва : Гнозис, 2005. 472 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002863674> (дата обращения 23.03.2025)
16. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. Москва : Наука, 1986. 254 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001316594> (дата обращения 23.03.2025)
17. Сандомирская И. Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Венский альманах славистики. Спецвыпуск 50). Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. 286 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (дата обращения 23.03.2025)
18. Серебrenников Б. А. О методах изучения топонимических названий // Вопр. языкознания, 1959, № 6. С. 49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41409933> (дата обращения 23.03.2025)
19. Чернышев А. Б. Движение и пространство человека в итальянской языковой картине мира // Филология и человек. 2017. №2. С. 71-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-i-prostranstvo-cheloveka-v-italyanskoj-yazykovoy-kartine-mira> (дата обращения 23.03.2025)
20. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). Москва : Гнозис, 1994. 344 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001704372> (дата обращения 23.03.2025)

Reference list

1. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Neozhidannosti v russkoj jazykovoj kartine mira. K 70-letiju Vladimira Nikolaevicha Toporova = Surprises in the Russian linguistic world-image. To the 70th anniversary of Vladimir Nikolaevich Toporov. Moskva, 1998. URL: <https://inslav.ru/publication/polytropon-k-70-letiyu-vladimira-nikolaevicha-toporova-m-1998> (data obrashhenija 23.03.2025)
2. Gachev G. D. Nacional'nye obrazy mira = National world images. Moskva : Sovetskij pisatel', 1988. 233 s.
3. Djomyshcheva A. S. Konceptual'nye aspekty jazykovoj kartiny mira v soznanii mladshego shkol'nika = Conceptual aspects of the linguistic worldview in the minds of primary school students // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2016. 3. S. 156–161. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-aspekty-yazykovoy-kartiny-mira-v-soznanii-mladshego-shkolnika> (data obrashhenija 23.03.2025)
4. Zheleznyak M. A. Sravnenie nemeckoj i russkoj jazykovyh kartin mira na materiale analiza jelementov arhitekturno-domoobustroitel'nogo koda 'ugol', 'stena' i 'dver' = Comparing German and Russian linguistic worldviews based on the analysis of the architectural and house-building code 'corner', 'wall' and 'door' // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. statej / otv. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. Moskva : MAKSS Press, 2005. Vyp. 31. S. 4–22.
5. Zhuchkevich V. A. Obshhaja toponimika = General toponymy. Minsk : Vysshaja shkola, 1965. URL:

<https://g.eruditor.one/file/1128651/> (data obrashhenija 23.03.2025)

6. Zaliznyak A. A. Preodolenie prostranstva v russkojazykovoj kartine mira: glagol «dobirat'sja» = Negotiating an area in the Russian linguistic worldview: the verb «dobirat'sja» // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv. Moskva, 2000. URL: https://vuzdoc.org/63319/literatura/anna_zaliznyak_preodolenie_prostranstva_russkoy_yazykovoy_kartine_mira (data obrashhenija 23.03.2025)

7. Karasik V. I. Semioticheskie tipy konceptov = Semiotic concept types // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. № 4 (033) 2012. S. 5–11. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17949407> (data obrashhenija 23.03.2025)

8. Kitajskaja kartina mira: Jazyk, kul'tura, mental'nost' = Chinese worldview: Language, culture, mentality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 240 s. URL:

https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/kulturologija/tan_aoshuan_kitajskaja_kartina_mira_jazyk_kultura_mentalnost_2004/16-1-0-1664 (data obrashhenija 23.03.2025)

9. Kovlakas E. F. Osobennosti formirovanija toponimicheskoi kartiny mira: leksiko-pragmaticheskij i jetnokul'turnyj aspekty = Specifics of forming the toponymic worldview: lexical-pragmatic and ethnocultural aspects: monografija. Krasnodar : Izd-vo KubGU, 2008. 250 s. URL: <https://g.eruditor.one/file/3515629/> (data obrashhenija 23.03.2025)

10. Kozlova L. Ja. Formirovanie jazykovoi kartiny mira anglichan = Forming the linguistic worldview of the English // Voprosy metodiki prepodavanija v vuze. 2016. № 5 (19-2). S. 53–64.

11. Korneva V. V. Narechija i parametry prostranstvennoj kartiny mira = Adverbs and parameters of the spatial world image : monografija. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2008. 300 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004228743> (data obrashhenija 23.03.2025)

12. Lebedeva N. B. Polisituativnost' glagol'noj semantiki (na materiale russkikh prefiksial'nykh glagolov) = Polysituational verb semantics (based on Russian prefixal verbs). Tomsk : Izd-vo Tomskogo gos. un-ta, 1999. 262 s. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2000-04-026-lebedeva-n-b-polisituativnost-glagochnoj-semantiki-na-materiale-rus-prefiksialnykh-glagochnov-tomsk-izd-vo-tomsk-gos-un-ta-1999-260-s> (data obrashhenija 23.03.2025)

13. Lebedeva N. M. Vvedenie v jetnicheskuju i kross-kul'turnuju psihologiju = Introduction to Ethnic and

Cross-Cultural Psychology. Moskva, 1999. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000618834> (data obrashhenija 23.03.2025)

14. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1988. 192 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001458126> (data obrashhenija 23.03.2025)

15. Privalova I. V. Interkul'tura i verbal'nyj znak (lingvokognitivnye osnovy mezhkul'turnoj kommunikacii) = Interculture and the verbal sign (linguocognitive foundations of intercultural communication) : monografija. Moskva : Gnozis, 2005. 472 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002863674> (data obrashhenija 23.03.2025)

16. Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij = Theory and methodology of onomastic research / A. V. Superanskaja, V. Je. Stal'tmane, N. V. Podol'skaja, A. H. Sultanov. Moskva : Nauka, 1986. 254 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001316594> (data obrashhenija 23.03.2025)

17. Sandomirskaja I. Kniga o Rodine: opyt analiza diskursivnykh praktik = A Book about the Motherland: Experience in analyzing discursive practices // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 50 (Venskij al'manah slavistiki. Specvypusk 50). Wien: Gesellschaft zur Foerderung slawistischer Studien, 2001. 286 s. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/sadomirskaya-rodina.htm> (data obrashhenija 23.03.2025)

18. Serebrennikov B. A. O metodah izuchenija toponimicheskikh nazvanij = On the methods of studying toponymic names // Vopr. jazykoznanija, 1959, № 6. S. 49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41409933> (data obrashhenija 23.03.2025)

19. Chernyshev A. B. Dvizhenie i prostranstvo cheloveka v ital'janskoj jazykovoj kartine mira = Movement and space of man in the Italian linguistic worldview // Filologija i chelovek. 2017. №2. S. 71-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvizhenie-i-prostranstvo-cheloveka-v-italyanskoy-yazykovoy-kartine-mira> (data obrashhenija 23.03.2025)

20. Jakovleva E. S. Fragmenty russkoj jazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija) = Fragments of the Russian linguistic worldview (models of space, time and perception). Moskva : Gnozis, 1994. 344 s. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001704372> (data obrashhenija 23.03.2025)

Статья поступила в редакцию 26.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 16.07.2025.

The article was submitted on 26.05.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication on 16.07.2025